

Библиотека ГВЛ
Серия: «Политика»

Герберт Спенсер

Личность
и
государство

Социум
2007

УДК 321.01:342.7+316.244

ББК 66.0

С71

Библиотека ГВЛ — совместный проект
издательства «Социум» и Фонда либеральных программ
«Свободный Мир»

Данное издание выпущено в свет в рамках программы
«Либеральная хартия» Фонда либеральных программ
«Свободный Мир»

Спенсер Г.

С71 Личность и государство / Герберт Спенсер ; пер.
с англ. — Челябинск: Социум, 2006. 205 с. (Серия:
«Библиотека ГВЛ: Политика»)

ISBN 5-901901-56-8

В этой книге, впервые опубликованной в 1884 г., автор задокументировал процесс постепенного вырождения в Великобритании после 1850 г. классического либерализма в то, что в XX в. станет называться «социальным либерализмом», и вызванный этим возврат к меркантилизму и воинственному социальному порядку. Автор показывает, как постепенное приращение власти государства незаметно ведет к деспотизму и порабощению. Он критикует законодателей за игнорирование экономических законов, координирующих желания и усилия людей; атакует доктрину неограниченного суверенитета правительства, будь то монархического или парламентского, и вытекающую из нее концепцию прав как созданных государством и поэтому с такой же легкостью государством отменяемых. В конце последнего очерка сформулировано политическое мировоззрение Спенсера.

УДК 321.01:342.7+316.244

ББК 66.0

ISBN 5-901901-56-8

© ООО «Социум»,
оформление, 2006

Оглавление

Глава I	Новый торизм	1
Глава II	Будущее рабство	29
Глава III	Грехи законодателей.	82
Глава IV	Великое политическое суеверие	140
Послесловие		191

ГЛАВА I

Новый торизм

Большинство тех, которые считаются теперь либералами — это тори нового типа. Вот парадокс, который я хочу оправдать. Чтобы доказать это, я должен сначала представить, чем были обе эти политические партии вначале, а затем я попрошу читателя извинить меня, если напомним ему уже знакомые факты, так как я иначе не могу хорошо объяснить, в чем состоит сама суть истинного торизма и истинного либерализма.

Если мы вернемся к эпохе, предшествовавшей возникновению этих названий, то мы увидим, что обе политические партии представляли собой два противоположных типа социальной организации: тип воинствующий и тип промышленный. Первый нашел себе выражение в государственном режиме, общем почти для всех стран в древние времена; второй — в режиме соглашения, контракта, распространившемся в наше время, главным образом, среди западных наций и в особенности в Англии и Америке. Если мы употребим слово «кооперация» не в тесном, а в более обширном смысле, в смысле соединенных усилий всех граждан при какой бы то ни было системе управления, то режимы эти можно будет определить так: один — это система насильственной кооперации, а другой — система кооперации добровольной. Типичный строй

первой системы мы видим в регулярной армии, все единицы которой в разных чинах должны выполнять приказания под страхом смертной казни и получают пищу, одежду и плату по произвольному распределению; типичный строй второй системы представлен армией производителей и потребителей, которые входят между собой в соглашение и за определенную плату оказывают определенные услуги и которые, по желанию и по предварительному заявлению, могут вовсе выйти из организации, если она им не нравится. В течение социальной эволюции Англии различие этих двух, неизбежно противоположных форм кооперации выступало постепенно; но гораздо раньше того, как названия «тори» и «виги» вошли в употребление, можно было уже констатировать наличие этих двух партий и заметить до известной степени их отношение к милитаризму и к индустриализму. Известно, что в Англии, как и в других странах принудительной регламентации, характеризующей кооперацию при правительственном (государственном) режиме, сопротивление оказывалось обыкновенно населением городов, состоявшем из ремесленников и купцов, привыкших к кооперативной работе при режиме соглашения, тогда как кооперация при государственном режиме, обязанная своим происхождением и устройством постоянным войнам, удержалась в сельских местностях, где жили прежде военачальники и их подчиненные, у которых сохранялись старые идеи и традиции. Более того: этот контраст в политических тенденциях, проявившийся раньше, чем ясно определилось различие между прин-

ципами вигов и ториев, продолжал выступать и впоследствии. В эпоху Революции, «в то время как села и маленькие города находились в руках ториев, большие города, промышленные области и торговые порты служили крепостями для вигов». Доказывать, что, за немногими исключениями, положение это существует и поныне — излишне.

Таков был, сообразно с их происхождением, характер обеих партий. Посмотрим теперь, как этот характер проявлялся в их первых действиях. Вигизм начался сопротивлением Карлу II и его клевретам, старавшимся восстановить неограниченную монархическую власть. Виги «рассматривали монархию как гражданское учреждение, установленное нацией для блага всех ее членов», тогда как для ториев «монарх был посланником Неба». Одна из этих доктрин заключала в себе убеждение, что подчинение королю было условно, другая, что оно абсолютно. Говоря о виге и тории, какими их представляли себе в конце XVII в., т.е. лет за пятьдесят до выхода в свет «Рассуждения о партиях», Болинброк говорит: «Наследственное, священное, неотъемлемое право, преемственность его в прямом колене, пассивное повиновение, непротивление, рабство и иногда также папизм — вот понятия, которые во многих умах соединялись с представлением о тории и которые считались несовместимыми с представлением о виге».

Если мы сравним эти описания, то увидим, что в одной партии преобладало стремление противодействовать принудительной власти короля над подданными

и уменьшить ее, а в другой — желание удержать или даже увеличить эту принудительную власть. Это различие в стремлениях, различие, превосходящее по своей важности все политические различия, обнаруживается тотчас же в действиях обеих партий. Принципы вигов выразились в *habeas corpus* акте и в мероприятии, ставившем судей в независимое от короны положение, в отвержении билля, требовавшего, чтобы законодатели и административные служащие связывали себя присягой ни в каком случае не сопротивляться королю оружием; эти же принципы впоследствии выразились в билле, имевшем целью оградить подданных от враждебных действий монархической власти. Все эти акты имели по существу одинаковое значение: они ослабляли принцип обязательной кооперации в общественной жизни и укрепляли принцип добровольной кооперации. Замечание Грина по поводу периода, в течение которого виги находились у власти, после смерти Анны, показывает, что политика этой партии имела то же общее направление, как и в предшествующую эпоху: «Прежде чем протекло пятидесятилетие их власти, англичане уже забыли, что возможно было преследовать людей за религиозные убеждения, отменить свободу печати, вмешиваться в применение правосудия или управлять без парламента».

А теперь, оставив в стороне период войны в конце XVIII и начале XIX в., в течение которого личная свобода потеряла большую долю завоеванной области, и когда ретроградное движение к социальному типу милитаризма проявилось в различного рода принуди-

тельных мерах, начиная с тех, которые насильственно овладевали людьми и собственностью граждан и пытались обуздать печать, — припомним общий характер всех изменений, произведенных вигами или либералами, когда восстановление мира дало возможность воскресить промышленный режим со свойственным ему строем. Под возрастающим влиянием вигов законы, запрещавшие ассоциации рабочих, были отменены так же, как и законы, ограничивавшие свободу их перехода с места на место. Упомянем также и закон, по которому диссиденты могли веровать, во что хотели, не подвергаясь гражданским наказаниям, и закон, позволявший католикам исповедывать свою веру, не теряя известной доли своей свободы. Область свободы расширилась благодаря актам, запрещавшим покупать негров и держать их в рабстве. Монополия Ост-Индской Компании была уничтожена, а торговля с Востоком объявлена свободной для всех. Благодаря *Биллю Реформы* и *Биллю Муниципальной Реформы*, число граждан, не имеющих представителей, было уменьшено, так что, как с общей, так и с местной, точки зрения, масса менее страдала от принуждения со стороны немногих. Диссентеры, отколовшиеся от англиканской церкви, были избавлены от подчинения церковной форме брака, получив возможность жениться по чисто гражданскому церемониалу. Позднее явились уменьшение и отмена ограничений при покупке иностранных товаров и при пользовании иностранными судами и морями, а еще — позднее отмена стеснительных для прессы постановлений, изданных

прежде всего для того, чтобы помешать распространению мнений. Нет никакого сомнения, что все эти изменения, были ли они сделаны либералами или нет, совершены были сообразно с провозглашаемыми ими принципами.

Но зачем перечислять давно известные всем факты? Единственно затем, что, как мы уже сказали, необходимо напомнить читателю, чем был либерализм в былые времена, дабы он видел, насколько он разнится от так называемого либерализма нашего времени. Мы считали бы излишним перечислять одну за другой все эти различные мероприятия для того, чтобы показать их общий характер, если бы они в наше время уже не были забыты. Мы забыли, что так или иначе все эти истинно *либеральные* перемены уменьшили обязательную кооперацию в социальной жизни и увеличили добровольную. Мы забыли, что в том или другом смысле они уменьшили область правительственной власти и увеличили поле действия, где каждый гражданин может свободно действовать. Мы потеряли из виду ту истину, что либерализм обыкновенно защищал свободу личности против принудительного действия государства.

И теперь мы должны спросить себя: каким образом либералы потеряли из вида эту истину? Как могло случиться, что либеральная партия, приобретая все большую и большую долю власти, делалась все более и более принудительной в своих законодательных мерах? Как случилось, что, опираясь на свое собственное большинство или же косвенно путем содействия, ока-